

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ.

В творческой биографии народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР Евгения Лебедева множество ролей, сыгранных и на сцене ленинградского БДТ имени Горького, и на всесоюзном кино- и телеэкране. О том, что остается для зрителя за кулисами и за кадром — о психологии творческого процесса, — рассказывает сегодня Евгений Алексеевич в беседе с корреспондентом «Литературной России».

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

«Художник прекрасен неожиданностью»

— Евгений Алексеевич, пожалуйста, немного о себе, о том, как вы пришли в театр.

— Я родился в небольшом городке Балаково Саратовской губернии. Отец мой — из церковнослужителей. В молодости, рассказывали, он был солистом синодального хора, пел в частной опере Зимина. Но потом его сманили в Самару, где он стал протодьяконом — в Покровской церкви. Он очень любил петь, и могучий его голос хорошо знали многие волжские капитаны. Мама никакого отношения к искусству не имела.

Когда учился в ФЗУ, выступил однажды в самодеятельном концерте, после которого меня пригласили в созданный в Самаре ТРАМ — Театр рабочей молодежи. После прослушивания меня приняли в так называемую «освобожденную группу» ТРАМа с окладом 108 рублей. В местной драматической труппе работали в ту пору Николай Константинович Симонов (он был руководителем театра), Василий Васильевич Меркурьев, Юрий Васильевич Толубеев. Меркурьев преподавал в нашем ТРАМе мастерство актера.

После этого я уехал в Москву учиться. Пришлось в ту пору сильно победствовать. Жить мне было негде, и долгое время моей «квартирой» была улица, а «уходом» — часто лютые московские морозы да сквозняки в подъездах и чердаках. Тогда-то я и отморозил щеки, и до сих пор результаты этого «приобретения» нет-нет, но дают о себе знать.

Условия жизни, здоровье мое, нужда — все складывалось так, что дважды я начал учебу в театральном учебном заведении и дважды прекращал учиться, работал то бутафором, то молотобойцем в кузнице, то арматурщиком на стройке, то рабочим на фабрике... Пока наконец не поступил в Московское городское театральное училище, после окончания которого в 1940 году был распределен в Тбилисский тюз. Так начинался мой путь в театре...

— Когда молодой человек хочет стать актером, он еще, возможно, не знает, зачем ему это надо. Как со временем меняются отношения к профессии? Можно ли спустя время не любить ее?

— Можно, но лишь в отдельные периоды пребывания в профессии. Не любить же профес-

сию, начиная с какого-то времени, постоянно — как тогда в ней пребывать? Без любви ничего нельзя добиться. И все-таки... все-таки... актеру есть за что — иногда, повторяю, — не любить свою профессию. За то, например, что актер в ней не свободен так, как свободны, скажем, художник, литератор, которым не нужны партнеры и т. д. Судьба актера зависит от огромного количества факторов. Надо, чтоб драматург написал хорошую роль. Надо, чтоб режиссер назначил тебя на эту роль. Надо, чтоб у партнера был сносный характер... Надо, надо, надо — многое надо.

Скажем, роль не получилась. В нашем деле, как и в любом другом, все бывает. Ну, не получилась роль, что ж теперь делать? И, зная об этом по собственному ощущению, реакции зрителей, по разговорам коллег, ты тем не менее идешь в назначенный день и играешь эту роль. И тебе одному известны муки, которые испытываешь. Спроси тебя в этот вечер кто-нибудь о профессии, едва ли ты будешь вздохнуть, радостно рассказывать о ней.

А в другой пьесе тебе уже не достается хорошая роль, в тебя уже не очень верят. И часто очень трудно бывает доказать, что ты «не верблюд». Нужна роль, режиссер, который поверит, поможет...

Мое большое актерское и человеческое счастье состоит в том, что судьба в молодости свела меня с интереснейшим режиссером и прекрасным человеком — Георгием Александровичем Товстоноговым, который стал и другом моим в жизни, и учителем в театре. Не случись этого — как бы еще сложилась моя судьба в театре, кто знает...

— Актера называют то исполнителем роли, то создателем ее. Одно ли это и то же? И может ли актер быть подлинным создателем роли, если он, в сущности, третичен: над ним автор и режиссер...

— Это неважно, что третичен. Важно другое: чтоб драматургия позволяла мне, актеру, вложить в роль свое «я» — тот жизненный опыт, то понимание проблемы, которые не только создали и утвердили мою гражданскую сущность, но по-прежнему волнуют, не дают спокойно жить. Если в роли могу это выразить, — я создатель ее. А исполни-

тель — человек, выполняющий чужую волю, чужую задачу, которая никак не перекрещивается с его собственной задачей, его собственным пониманием вещей. И еще. Любимый художник всегда прекрасен своей неожиданностью. Когда же ты просто исполнитель — нет и не будет этой неожиданности. К слову сказать, зритель всегда хорошо отличает актера-создателя от актера-исполнителя.

— Могли бы вы привести пример актера-создателя?

— Конечно. Евгений Евстигнеев. Всегда неожидан на сцене и экране. Всегда очень самостоятельно и неповторимо мыслит в роли.

— Это, верно, еще зависит от того, насколько по-новому

поймет актер персонажа, о котором ему предстоит рассказать. В этом смысле очень показателен, мне кажется, ваш Бессеменов в «Мещанах».

— Я очень люблю роль Бессеменова именно за возможность рассказать о нем не так, как это делают многие другие исполнители роли. Его, Бессеменова, почему-то всегда «разоблачают». Играя этого персонажа в горьковской пьесе, я невольно вступаю в конфликт... со зрителями, абсолютное большинство которых обвиняет Бессеменова как человека, несущего зло, считающего злом самого Бессеменова. А ведь это не так. Бессеменов — не зло, он — жертва зла. А зло — это время, породившее Бессеменова, создавшая его социальная среда, система. Вот объективность. А теперь попытайтесь «замкнуть» этого человека в его конкретном существовании, в его ежедневности, заботах. Он — отец, глава семьи. Он не может желать зла своей семье. Он ведь сделал все, чтобы дети получили образование. Он взял в семью совершенно чужого человека, Нила, воспитал его... Еще неизвестно, как сложилась бы судьба Нила, не попади он в чистый, сытый и внешне благополучный дом Бессеменовых... Давайте будем объективными, справедливыми: многие из бедных семей берут к себе ребенка, воспитывают его, дают ему образование, профессию? А Бессеменов сделал именно так! Хотя у него и свои дети были.

Нет, на мой взгляд, обвиняет Горький не Бессеменова, объективно он обвиняет, повторяю, породившую этого человека среду. А Бессеменова Горький, по моему, любит! Как любит Васю Железнову, Егора Булычова... Эти его герои — личности сильные, умные, многозначные.

Бессеменов — принципиально важная в моей творческой практике роль. Точно так же я мог бы сказать об огромном значении в моем актерском становлении таких ролей, как Рогожин в «Идиоте», Монахов в «Варварах», Щукарь в «Поднятой целине», о том огромном удовлетворении, которое я получил в работе над главной ролью в спектакле «История лошади» по «Холстомеру» Льва Толстого...

— Актеру необходимо зритель. Значит, существует какая-то взаимосвязь. Один актер как-то говорил мне, что спектакль — это бой со зрителем... Так ли это?

— Я категорически не согласен с таким определением спектакля. Как спектакль может быть боем со зрителем, если актер работает для зрителя? Актер, извините, за это еще и деньги получает. «Бой» — это выдумка. Задача актера — вовлечь зрителя в свой «круг внимания», чтоб сидящий в зале человек был взволнован тем же, ради чего актер вышел на сцену. Может, бой за это имелся в виду? Тогда все верно.

— Вы практически почти всю свою жизнь работаете с Г. А. Товстоноговым. И как результат — единая выработанная система, метод работы. Не мешает ли это вам при встрече с другими режиссерами — кино, телевидения? Не приходится ли идти порой на компромисс?

— Нет, не приходится. Режиссеры могут быть разными и по манере работы, и по творческим принципам. Это естественно. Но настоящего режиссера всегда отличают талант, уровень профессиональной культуры. Эти параметры и объединяют разных режиссеров. Вот что важно. Все остальное не имеет значения. Важно, когда режиссер — творец, когда у него есть вдохновение, способное вызвать к жизни талант актера...

— Евгений Алексеевич, вы ведь много снимались в кино...

— Сыграл в кино более пятидесяти ролей. Из них, думаю, ролей пять-шесть близки тому, что делал в театре.

— Как вы считаете, повезло вам в кино?

— Не знаю. Во всяком случае незабываемыми остались встречи с интересными режиссерами, с характерами, которые довелось играть. Я благодарен режиссерам, в свое время пригласившим меня в свои картины, таким, например, как Эрмлер («Неоконченная повесть»), Шукшин («Странные люди»), Панфилов («В огне брода нет»), Дербенев («Последний месяц осени»), Ершов («Блокада»), Тушчин («Свадьба в Малиновке»)... Работа с этими режиссерами была для меня довольно серьезным испытанием в кинематографе, где актеру порой сложно приходится из-за киноспецифики. Помог мне и опыт работы над ролью в театре. Это особенно важно отметить, если учесть, что в кино часто приходится начинать играть роль... с финальной сцены.

Есть и еще один момент, который меня лично немало смущает в кино и усложняет работу в нем. Никак некоторые кинорежиссеры не могут — или не хотят — понять, что актер — не «последняя спица в колесе», что он заслуживает много больше внимания, чем ему уделяется. Ведь свои задачи в фильме (как, впрочем, и в театре) режиссер решает именно и главным образом через актера, его живое чувство, вдохновение, талант.

Случается мне играть и в телеспектаклях. Соглашусь со страхом. Телевидение — это ведь сразу на всю страну. Сыграешь плохо — и на следующий день: плохой актер этот Лебедев. И все, что было до этого — в театре ли, в кино, — все перечеркнуто. Иди потом что-нибудь докажи. Словом, соглашусь и... вздрагиваю. Вздрагиваю... и соглашусь.

— Евгений Алексеевич, какое значение вы придаете в театре русской классической и современной прозе?

— Я просто не представляю себе развития советского театра без активного внедрения в него русской классической и современной прозы. Как невозможно представить себе Художественный театр без «Воскресения», «Анны Карениной» Толстого... Как не представляю себе нашего театра без «Идиота»... Тут двух мнений и быть не может. А какие актерские работы случались от приобщения к хорошей прозе!..

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ
ЛЕНИНГРАД